

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2017»

Москва, 31 мая — 3 июня 2017

ДИСКУРСИВНЫЕ ЧАСТИЦЫ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕВОДА: НУ В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА СОРОКИНА «ОЧЕРЕДЬ»¹

Добровольский Д. О. (dobrovolskij@gmail.com),
Левонтина И. Б. (irina.levontina@mail.ru)

Институт русского языка РАН, Москва, Россия

Художественное представление устной речи в литературе сильно отличается от реальной устной речи. В этом смысле интересно изучить роман Владимира Сорокина «Очередь», поскольку это произведение, полностью состоящее из диалога, производит впечатление аутентичной передачи устной речи.

В работе рассматривается употребление частицы *ну*, встречающейся в этом романе около 300 раз. Цель работы — проанализировать немецкие и английские эквиваленты в разных типах употребления *ну*, что позволит более рельефно представить функционирование этой русской частицы. С другой стороны, сопоставление с переводами позволит лучше понять роль этой частицы в структуре художественного текста.

Лексикографические описания показывают, что в качестве стандартного соответствия русского *ну* в немецком языке используется частица *na*. Однако, как видно из анализа, во многих случаях выбираются другие варианты перевода. В контексте уговаривания (*Ну, скажите, не вредничайте*) чаще предлагаются эквиваленты *aber* и *schon*, а в функции преодоления смущения (*Ну что вы..*) — частицы *na*, *naja*, *ja*, *also*, *so*, *eben* или междометия *ach*, *tja*. В английском переводе эта игра на дискурсивных частицах не передается. Это свидетельствует о том, что необходимо уточнить сопоставительно-словарное описание соответствующих частиц с опорой на представительный корпус параллельных текстов.

Анализ показывает, что Сорокин использует частицу *ну* не просто как маркер разговорности, а как ключевое слово. В переводах эта функция не сохраняется или сохраняется не полностью.

Ключевые слова: дискурсивные частицы, семантика, устная речь, язык художественной литературы, перевод, русский язык, немецкий язык, английский язык

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 16-06-00339).

DISCOURSE PARTICLES AND THEIR TRANSLATION: *НУ* IN VLADIMIR SOROKIN'S NOVEL *THE QUEUE (OCHERED')*

Dobvol' skij D. O. (dobvol'skij@gmail.com),

Levontina I. B. (irina.levontina@mail.ru)

Russian Language Institute of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia

The representation of oral speech in literature differs sharply from real spoken language. It is therefore interesting to study Vladimir Sorokin's novel *Ochered'* (*The Queue*), which consists entirely of dialogue and gives the impression of conveying authentic orality.

The present study examines the use of the particle *ну*, which occurs some 300 times in the novel. The aim is to analyze various uses of its German and English equivalents, which will allow us to better describe the functioning of the Russian particle. On the other hand, comparison with translations will lead to a better understanding of this particle in the structure of literary texts.

Lexicographical descriptions indicate that the standard equivalent of Russian *ну* in German is the particle *na*. As is clear from our analysis, however, in many cases translations select a different variant. In a context involving coaxing (*Nu, skazhite, ne vrednichayte*), the equivalents *aber* and *schon* are found more often, while the particles *na, naja, ja, also, so, eben* or the interjections *ach, tja* are used more frequently to express overcoming embarrassment (*Nu chto vy...*). In English this play on discourse particles is not conveyed. This indicates that we need to refine the contrastive and lexicographic description of these particles on the basis of a representative corpus of parallel texts.

Our analysis shows that Sorokin uses *ну* not merely as a colloquial marker but also as a keyword, as this term is understood in linguistic poetics. In translation this function is not preserved or preserved only partially.

Key words: discourse particles, semantics, oral speech, the language of fiction, translation, Russian, German, English

*Взаимоотношения устной и письменной
речи усложняются, как только
мы переходим к сфере искусства.
(Ю. М. Лотман, 1978)*

1. В последние десятилетия устная речь — один из любимых объектов лингвистических исследований², и за это время сделано очень много; см. обзор в [Крысин 2016]. Лингвисты в своей работе постоянно обращаются и к аудио-записям, и к транскрипциям, и к буквальным расшифровкам звучащей речи, так что сейчас уже никого не надо убеждать в том, что устная речь радикально отличается от письменной.

Однако еще не так давно лингвисты отмечали: «Можно сказать, что носитель письменной культуры нового времени — от только что выучившегося читать школьника до профессионального филолога — существует в обстановке своего рода **легенды, мифа** об устной речи, сформировавшегося в условиях и традициях письменной культуры. Оказывается чрезвычайно трудным прорваться сквозь стилизованную культурную репродукцию данного феномена и реконструировать его «домифологические» черты. Парадоксальный факт — приходится говорить о реконструкции явления, повседневно наблюдаемого и сопровождающего нас на каждом шагу» [Гаспаров 1978: 65]. Это выдержка из программной статьи Б. М. Гаспарова «Устная речь как семиотический объект», опубликованной в знаменитом в свое время Тартуском сборнике «Семантика номинации и семиотика устной речи» (Тарту 1978), в который вошла также статья Ю. М. Лотмана «Устная речь в историко-культурной перспективе», из который взят эпиграф к настоящей работе, и статья И. А. Паперно «Устная речь в историко-культурной перспективе (кружковая речь и домашняя литература в пушкинскую эпоху)». В том же году в Москве вышла и книга «Русская разговорная речь. Тексты» [PPP 1978], которая шокировала многих: люди не могли поверить, что они действительно так говорят.

С тех пор многое изменилось — и в части наших представлений об устной речи, и в части ее функционирования: появился интересный феномен устно-письменной речи, особенно характерный для переписки в социальных сетях. С возникновением корпусной лингвистики, в особенности устных корпусов (впрочем, пока не очень больших) появилась возможность исследовать устную речь в ее реальном бытовании, в частности с использованием количественных методов.

И теперь уже хотелось бы вернуться к вопросу о том, как, собственно, устроена «культурная репродукция» устной речи в письменных текстах. Понятно, что в большинстве случаев имеет место редукция признаков устной речи при переводе в письменный текст (если это, скажем, расшифровка интервью³), либо, наоборот, включение каких-то дискурсивных маркеров для имитации устности, если это художественный текст, в который включается, например, сцена разговора.

Однако в тех произведениях, где устная стихия является важным структурным элементом художественного текста, впечатление аутентичности

² Разумеется, эта тема затрагивалась и раньше, см. [Якубинский 1923], но всерьез лингвисты стали изучать это явление во второй половине XX в.

³ В этом отношении очень показательна книга Соломона Волкова «Диалоги с Бродским», где очень тонко создается впечатление устной речи Бродского, при том что в действительности текст, конечно, сильно отредактирован.

создается не копированием устного дискурса, а скорее концентрированным выражением его характерных свойств.

2. В этом смысле интересно изучить тексты такого выдающегося стилиста, как Владимир Сорокин, в особенности его небольшой ранний роман «Очередь» (1985). Весь текст состоит из нескончаемого диалога с меняющимися собеседниками. При чтении этот текст производит впечатление поразительной аутентичности. Трудно вспомнить еще какое-нибудь произведение русской литературы, где разговорная речь передавалась бы столь убедительно. В частности, яркой приметой русского языка, особенно в его устной реализации, является частота и ранообранзие дискурсивных частиц, что, естественно, в полной мере реализуется в повести Сорокина:

*Я слышала вчера по два давали. — По два? — Ага.
Сначала-то по четыре, а потом по два. — Мало как! Так и стоять смысла нет... — А вы займите две очереди. Тут приезжие по три занимают. — По три? — Ага. — Так это целый день стоять! — Да что вы. Тут быстро отпускают. — Чего-то не верится. Мы вон с места не сдвинулись...⁴ [...] — На Ленинском давали молодую, вполне хорошая. — Да ну! Одни листья. — Молодая очень полезная. — Вон подходят как, совсем обнаглели. Мужчина, зачем вы пропускаете?! Что нам целый день стоять?! Подходят, подходят! — Они занимали, отошли просто... — Да ничего они не занимали! — Мы занимали, чего вы кричите. — Ничего вы не занимали! [...] — Да занимали они, успокойтесь!*

Сорокин — признанный автор. Его произведения переводятся на разные языки, и переводчики придают большое значение тому, чтобы сохранить в переводе стилистические особенности его прозы. Мы взяли перевод на немецкий (немецкий язык, как и русский, отличается большим количеством и частотой употребления частиц). Переводчик «Очереди» Петер Урбан — известный и высококвалифицированный специалист. Для сравнения мы взяли также перевод на английский. В английском языке частиц не так много, и используются они не столь интенсивно. Переводить «Очередь» на английский очень трудно. Кстати, и в предисловии переводчицы отмечается, что диалог, состоящий из простейших реплик, «[is] not always easily transferable to English» [Laird 1988: x].

В этой работе мы рассмотрим одну из самых ярких русских частиц — частицу *ну*. В небольшом произведении Сорокина (29 643 слова) содержится около 300 вхождений *ну*.

Наша цель двоякая: проанализировать немецкие и английские эквиваленты в разных типах употребления *ну*, что позволит более рельефно представить функционирование этой русской частицы; с другой же стороны, сопоставление с переводами позволит лучше понять роль этой частицы в структуре художественного текста.

⁴ См. разбор этого употребления *вон* в [Левонтина 2016].

3. Частица *ну* неоднократно становилась объектом лингвистического исследования. Подробное описание различных контекстов употребления этой частицы и ее значений содержится в работе [Баранов, Кобозева 1978].

Структура многозначности *ну* достаточно детально описана в словарях [Морковкин 1997; Шимчук, Шур 1999]. Функционирование *ну* в одном из самых важных для этого слова контекстов — контексте повторной просьбы — рассмотрено в работе [Левонтина 1999].

Словари выделяют у *ну*-междометия следующие значения:

- 1) призыв или побуждение к действию; ср. *Ну, давай плясать, Ну, выкладывай: что тебе нужно.*
- 2) требование не надоедать или желание избавиться от чего-то надоевшего (*Ну тебя, Ну ее*);
- 3) (обычно в сочетании с частицами *и, уж, ж*) удивление, восхищение или недовольство, негодование, ирония и другие чувства; *Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей называть!; Ну уж!; Ну и гроза!*

У *ну* в качестве частицы МАС выделяет следующие разновидности:

- 1) вопросительная (в сочетании с частицей *да: да ну*): *Да ну?*
- 2) вопросительная; *Ну?* в качестве отдельной ответной реплики: *Ты здесь работаешь? — Ну!*
- 3) вопросительная (в сочетании со словом *как*) — в значении 'что, если': *Ну, как с безумных глаз Затеет драться он* (Грибоедов).
- 4) усилительная: *Ну, конечно; Ну как не порадовать родному человеку; Ну что за жизнь; ну а они...*
- 5) употребляется в значении союза, указывающего на вывод, заключение или вводное замечание: *Ну, и гости бывают; Ну, наступил вечер, Ну, словом...* В начале реплики в значении 'итак, наконец': — *Ну, я к себе.*
- 6) в сочетании с инфинитивом: *И ну кричать.*
- 7) употребляется в значении 'допустим, положим'. — *Вы первый курс? — Ну, первый.*⁵

Четвертое, пятое и седьмое значение скрывают за собой разные, сложным образом взаимосвязанные виды *ну*. Отчасти соответствующие контексты описаны в работе [Баранов, Кобозева 1988: 51–61]. Там, в частности, выделен интересный вид *ну*, связанного с преодолением коммуникативного затруднения. К нему относятся следующие разновидности: *ну* «поиска (гезитации)» (*Ну.. пять раз*); *ну* «выбора» (*Ну про школу расскажи*); и *ну* «вызова», внутри которого различаются *ну* «признания» (*Ну плохой я человек!*) и *ну* «непонимания цели» (*Ну в среду, а что?*). Эта идея преодоления коммуникативного затруднения (объясняющая, кстати, почему *ну* так легко превращается в «слово-паразит») имеет нечто общее с побудительностью: говорящий как бы подталкивает сам себя⁶.

⁵ Можно заметить, что это даже и не всегда значения: некоторые из этих разновидностей — это типы сочетаемости или указания на самую общую функцию и т.д.

⁶ Ср., например, употребления побудительной частицы *-ка* в контекстах самопобуждения (*Пойду-ка я домой*; ср. [Левонтина 1991]).

Разнообразные употребления *ну* все же образуют некое единство. Большинство значений этой частицы концентрируются вокруг побудительного. Это значение для *ну* чрезвычайно важно: именно с побудительностью *ну* в первую очередь ассоциируется у носителей языка, да и этимологически именно это значение первично (изначально *ну* возникает как «погоняющий» окрик [Фасмер 1986–1987]).

В работе [Левонтина 1999] предложены следующие компоненты толкования для «побудительного» *ну*: 1) я хочу, чтобы ты сделал Р; 2) я знаю, что ты знаешь об этом моем желании; 3) я не располагаю новыми аргументами в свою пользу или не хочу прибегнуть к аргументам.

С помощью *ну* говорящий не просто побуждает, но действительно всегда как бы погоняет, торопит (чувства его могут быть при этом разными: от радостного нетерпения до раздражения).

Если адресат сам заинтересован в выполнении действия и предполагается, что только скромность или робость мешают ему, то фраза с побудительным *ну* может быть произнесена с поощрительной или подбадривающей интонацией; ср.:

— *Ну, ешьте шоколад, ну, я вас прошу!* (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев).

Если же в выполнении действия кровно заинтересован говорящий, но возможности требовать или приказывать у него нет, тогда то же *ну* сопровождается умоляющей интонацией; ср.:

Давайте помиримся! Ну давайте помиримся, Федор Иванович! И опять начнем заниматься ботаникой! (В. Дудинцев. Белые одежды).

Таким образом, кажется, что различия между разными видами «побудительного» *ну* обусловлены контекстом (соотношением интересов и позиций говорящего и адресата) и интонацией.

В сущности, то же значение представлено и еще в некоторых типах изолированного употребления *ну*, в частности, когда оно выражает призыв скорее сообщить интересующую собеседника информацию или успокоиться; ср.:

— *Ну? Ну?* — *Ну и ну,* — *отвечал Остап раздраженно,* — *один шанс против одиннадцати* (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев);

— *Ну, ну, пошутил* (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев).

Возможность употребления «побудительного» *ну* в контексте вопроса также совершенно понятна: ведь вопрос представляет собой, в сущности, просьбу об информации. В отказах или при аргументации *ну* также взаимодействует с неявной целью речевого акта. Когда умоляющее *ну* используется при аргументации, создается своеобразный эффект. Само значение *ну* предполагает волевой и эмоциональный нажим на собеседника, а не рациональное обоснование просьбы. На первый взгляд, оно должно лишать аргумент убедительности. Однако вместо этого *ну* усиливает аргумент, как бы предлагая воспринимать его не на рациональном, а на эмоциональном уровне.

Очень часто два разных *ну* соседствуют в диалоге: одно сопровождает просьбу, а другое — согласие (неохотное или после колебания); ср.:

— *Мам, дай еще хлебца!* — *Нет, хватит.* — *Ну дай!* Видишь они поклевали. *Дай!* — *Ну на, на...* (В. Сорокин. Очередь);

— *Ну, немного совсем <налить вина>?* — *Ну, немного можно* (В. Сорокин. Очередь).

Замечательно, что здесь Сорокин обыгрывает именно многозначность частицы.

Впрочем, в работе [Баранов, Кобозева 1988] предлагается иная интерпретация побудительных контекстов с *ну*. Побудительность, как можно понять, рассматривается здесь как элемент иллокутивного контекста, а не часть значения самой частицы. Значение же *ну* определяется как «отсылка к упомянутому» (с. 62–64).

Однако *ну* может и не иметь побудительного значения в контексте побуждения, а может, напротив, придавать императивность непобудительным контекстам. Его значение взаимодействует при этом с целью речевого акта: например, при обещаниях с компонентом 'говорящий хочет, чтобы слушающий ему поверил'. В примерах типа *Это же Витька Иванов! Ну в параллельном классе учился!* говорящий при помощи *ну* призывает слушающего сосредоточиться и понять, что он имеет в виду. Ср. подробнее о переходах между значениями *ну* в [Левонтина 1999].

Сравнение с немецким переводом показывает, что в значительном числе случаев русское *ну* передается при помощи немецкого *na*.

В «Новом большом немецко-русском словаре» [НБНС 2010: 1025] дискурсивная частица *na* описывается следующим образом (с сокращениями):

na I *prtc disc pazg.* ну!; ~? ну (и что там у тебя)?; ~ warte! ну, погоди!; ~, so was! кто бы подумал! ~, wird's bald? ну долго там еще?; ~, ich danke! *упон.* ну, спасибо!, вот уж спасибо!; ~, der wird sich wundern! ну, и удивится же он!; ~, es wird sich schon zeigen ну что ж, там видно будет; ~, ~, so schlimm wird es (schon) nicht sein! ну не так уж это страшно!; ~, wo bleibst du denn? куда ты пропал?; ~, wie geht's? ну, как дела? **○** ~ **und?** ну и (что)?; ~ **ja**, ~ **gut [schön]** ну ладно; ~ ja, dann mach, was du willst! ну ладно, тогда делай, что хочешь!; ~ ja, ich weiß schon ну да, я знаю; ~ **also!**, ~ **bitte!** ну, вот видишь [что я говорил]! **◇** ~, **komm doch [schon]!** ну же!

Как видно из этой словарной статьи, наиболее стандартный эквивалент *na* в русском — это *ну*. Выбор того или иного соответствия в переводе художественного текста, естественно, зависит от особенностей описываемой ситуации, но в самых обычных, не отягощенных дополнительными смыслами контекстах (таких, как в иллюстративной части словарной статьи) этот эквивалент оказывается самым употребительным. Обращает на себя внимание, что компонент *ну* присутствует даже в большинстве идиоматических конструкций: грамматических фразем и коллокаций (за знаком **○**) и в идиоме (за знаком **◇**).

4. Как видно из приведенных описаний русского *ну* и немецкого *na*, семантически они весьма сходны, поэтому неудивительно, что в немецком переводе

«Очереди» в значительном числе случаев *ну* переводится именно так. Однако в остальных случаях переводческие решения разнообразны и ситуативны.

Наиболее показательны, пожалуй, два фрагмента, где в русском *ну* оказывается структурообразующим элементом.

В первом фрагменте перед нами контекст уговаривания:

— *Простите, а вас как зовут? — А зачем вам? — Очень нужно. — Ничего вам не нужно. Не скажу. — Ну, скажите, не вредничайте. — Неа. — Ну, скажите, пожалуйста. — Ну, а зачем вам? — Ну, что вам жалко что ли?*

Verzeihen Sie, und wie heißen Sie? — Wozu wollen Sie das wissen? — Ich muß es wissen. — Nichts müssen Sie. Ich sage es Ihnen nicht. — Na, sagen Sie es schon, seien Sie kein Spielverderber. — Nee. — Sagen Sie schon, bitte. — Aber wozu wollen Sie das wissen? — Fällt Ihnen doch keine Perle aus der Krone, oder?

Заметим, что из четырех *ну* ни одно не переведено самым стандартным образом — как *na*. Одному соответствует *na... schon*, второму *schon*, третьему *aber* (строго говоря, *aber* соответствует не просто *ну*, а *ну а*), а в четвертом случае переводчик просто перевел всю фразу *Ну, что вам жалко что ли?* при помощи идиомы, которая буквально значит: *Что, жемчужина из короны выпадет?*

Теперь обратимся к английскому переводу этого фрагмента:

— *So tell me now, what's your name? — And why should I tell you? — Because I need to know, that's why. — You don't need to know, and I am not telling. — Go on, don't be mean, tell me. — But why should I tell you? — Why shouldn't you? Is it such a big deal?*

Как мы видим, в английском тексте переводчица использовала две формы для передачи «уговаривательного» *ну*: *go on* и противительный союз *but* (интересно, что это решение полностью соответствует немецкому *aber*). Что касается последней фразы *Ну, что вам жалко что ли?*, то здесь идея уговаривания «разлита» по всему контексту.

Проанализированный эпизод весьма характерен. Дело в том, что роман Сорокина — об одиночестве человека в толпе и о его несвободе. Повторяющаяся частица *ну* маркирует здесь усилие человека, пытающегося одиночество и несвободу преодолеть, и девушка Лена — это первая, неудачная попытка героя.

Еще более важен другой эпизод: герой, выйдя из очереди переждать дождь, попадает домой к незнакомой девушке Люде. Можно сказать, что эта сцена полностью строится на *ну*. Здесь перед нами контекст преодоления смущения (в скобках после каждой фразы, содержащей *ну*, помещены те единицы, которые ей соответствуют в немецком и английском переводах; знаком «—» показано, что частица вообще никак не переводится). Два незнакомых человека стремятся к сближению, и *ну* помогает им преодолеть коммуникативное затруднение на каждом шаге этого сближения — и в то же время каждый шаг оформить как неохотное согласие:

— Да пойдёмте. Что ж вы на лестнице дрожать будете. [...] **Ну** ладно (**Also gut / oh well**). [...] — Что не успели добежать вовремя? — **Ну** да. (**Na ja / Oh**) [...] — Эпигонская живопись... — **Ну**, почему. (**Ach / No**) [...] — Ничего интересного. Тоска зеленая. — **Ну**, это, видимо, зависит от места работы... (**Na / Well**) [...] — И долго вы стоите? — Да не очень... — Очередь громадная. Я таких давно не видела. — **Ну** так их же раз в полгода выбрасывают. (**Naja / Well**) [...] — **Ну** вот... (**So / —**) рубашка ваша готова... держите... [...] — Бабушка умерла, я в ее комнате. — В общей квартире? — Да. — **Ну** и как? (**Und / —**) — Вполне. Соседи приличные люди. В центре живу. — **Ну**, это хорошо, когда соседи такие... (**Ja / —**) [...] — **Ну** вот. (**Eben / So**) [...] — **Ну**, а кто ж в такой дождь торговать будет? (**Na / Well**) Все промокнет. [...] — А у меня он любимый поэт. — **Ну**, а что. (**Ja klar / —**) [...] — **Ну**, что вы! (**Aber was glauben Sie! / But imagine!**) [...] — Вадим, а вы есть хотите? Я лично хочу. — **Ну** я немножко чего-нибудь... (**Naja / Well**) [...]. — **Ну** вот. (**Also schön / Right**) [...] За встречу. — **Ну** что ж... (**Ja / Alright then**) за встречу... — [...] — **Ну**, это наверно из ранних. (**Na / —**) [...] — Стоял в паскудной очереди, толкался, ждал чего-то. И вдруг пью вино с очаровательной женщиной... — **Ну**, не преувеличивайте. (**Na / Come on**) [...] — Вы удивительно похожи на одного человека. — На какого? — **Ну**... просто это было очень давно... (**Ach / Oh**) [...] — **Ну**, учитывая, что я вас старше, это была не я. (**Na / Well**) [...] — **Ну**, немного совсем? (**Na / Go on**) — **Ну**, немного можно... (**Gut / Well**) хватит, хватит! — За ваши глаза. Чудные карие глаза. — **Ну** почему все время за меня?! (**Und / Come on**) [...] — Нет, нет, за ваши глаза. — Господи, ну что они вам дались... (— / —) [...] — **Ну** хорошо. (**Aber gut / —**) [...] — Вадим, ну что такое? (**was ist denn / Go on**) [...] — **Ну** вот видите, вы не хотите... (**Na sehen Sie / There, see**) [...] — Потому что вы мне очень нравитесь. — Ой, Вадим. **Ну** что вы... (— / —) [...] — Если для вас смех, то для меня нет... ну, давайте? (**also / —**) [...] — Ты не заметил? — Неа. — **Ну!** (**Tja / —**) [...] — Да. Я так давно не видел настоящего уюта... — **Ну**, ну, поплачь еще... (**Na, na / Ah**) [...] — А ты любишь тащевать? — Любил. Сто лет уж не танцевал. Давай? — **Ну**, пошли. (**Also gut / Okay**)

Объем небольшой статьи не позволяет подробно рассмотреть все варианты переводов и оттенки значений ну во всех случаях. Можно, однако, сделать ряд наблюдений.

Как уже было отмечено, лексикографические описания показывают, что немецкое *na* довольно хорошо соответствует русскому ну, даже не так просто сформулировать явные семантические различия между ним. Однако, как видно из этого фрагмента, во многих случаях хороший переводчик часто выбирает другие варианты перевода.

Там, где ну используется в контексте уговаривания (*Ну, скажите, не вредничайте*), в качестве эквивалентов чаще предлагаются частицы *aber* и *schon*,

а там, где ну служит преодолению смущения (*Ну вот, Ну что вы...*)⁷ — скорее частицы *na, naja, ja, also, so, eben* и междометия *ach, tja*. В английском переводе эта игра на дискурсивных частицах передается хуже. Возможно, по-английски эти нюансы вообще трудно выразить. Можно лишь отметить, что в контексте преодоления смущения эквивалентом-фаворитом, по-видимому, является *well*.

Эти факты свидетельствуют о том, что необходимо уточнить сопоставительно-словарное описание соответствующих частиц с опорой на представительный корпус параллельных текстов, что эти еще никем не описанные тонкости, должны быть четко зафиксированы и проиллюстрированы.

Говоря об использовании частицы ну в романе Сорокина, нельзя не остановиться на вопросе о ее частотности. Действительно, при чтении кажется, что Сорокин использует эту частицу необычайно интенсивно. При этом, как отметил анонимный рецензент «Диалога», «Проверка относительной частоты этой частицы по разным подкорпусам НКРЯ показывает, что на фоне других текстов Сорокина она, действительно, высокая, но все они, в отличие от „Очереди“ не являются полностью диалогическими текстами. Сравнение „Очереди“ с „устным подкорпусом“ показывает, что отношение ну к общему числу слов в них совпадает, а в кинодиалогах МУРКО ну встречается гораздо чаще, представляя 0,015 от всех слов против 0,010 в „Очереди“». Однако здесь существенна не просто частота частицы в произведении в целом, а интенсивность ее использования в отдельных фрагментах. Так, если частота в «Очереди» в целом действительно сопоставима с ее частотой в устной речи, то в анализируемом фрагменте она существенно выше и составляет примерно 0,025.

Экстремальная концентрация ну в этом фрагменте показывает, что Сорокин использует здесь частицу ну не просто как маркер разговорности, а как ключевое слово — в том смысле, как этот термин понимается в лингвистической поэтике. При этом в немецком переводе используются разные переводные эквиваленты, и эффект ключевого слова частично пропадает. По-английски же игру на дискурсивных частицах вообще трудно передать.

Тексты

1. Сорокин В. Очередь. Париж: Синтаксис, 1985.
2. Sorokin V. The Queue / Novel / trans. Sally Laird. New York: Review Books, 1988.
3. Sorokin V. Die Schlange / Roman / Aus dem Russischen von Peter Urban. Zürich: Haffmanns Verlag, 1990.

Литература

1. Баранов А. Н., Кобозева И. М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.

⁷ Строго говоря, преодолению смущения служит не просто ну, а соответствующие клише, произносимые с определенной интонацией.

2. *Гаспаров Б. М.* (1978), Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. Тарту, 1978.
3. *Крысин Л. П.* Лексикографическое представление разговорной речи в толковом словаре // Русский язык за рубежом 4/2016 (257). С. 12–19.
4. *Левонтина И. Б.* Словарная статья частицы -ка // Семиотика и информатика, вып 32. М., 1991. С. 140–145.
5. *Левонтина И. Б.* Стратегии уговаривания: частицы в повторных просьбах // Язык. Культура, Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999. С. 188–201.
6. *Левонтина И. Б.* Иду это я... О дискурсивных употреблениях дейктических слов. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 11. М., 2016. С. 160–172.
7. *Морковкин В. В. и др.* Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В. В. Морковкина. М., 1997.
8. *НБНС* — Новый большой немецко-русский словарь. В 3 т.: около 500 000 лексических единиц / под рук. Д. О. Добровольского. Т. II: G—Q. М., 2010.
9. *PPP* — Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е. Л. Земская, Л. А. Кападзе. М., 1978.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е издание. М., 1986–1987.
11. *Шимчук Э., Шур М.* Словарь русских частиц. Berlin, 1999.
12. *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // Русская речь / под ред. Л. В. Щербы. Петроград, 1923. С. 96–194.
13. *Laird S.* Foreword // *Sorokin V.* The Queue / Novel / trans. Sally Laird. New York, 1988, pp. i–x.

Sources

1. *Sorokin V.* Ochered'. Sintaksis, Paris, 1985.
2. *Sorokin V.* The Queue (novel), trans. Sally Laird. Review Books, New York, 1988.
3. *Sorokin V.* Die Schlange (Roman). Aus dem Russischen von Peter Urban. Haffmanns Verlag, Zürich, 1990.

References

1. *Baranov A. N., Kobozeva I. M.* (1988), Modal particles in responses [Modal'nye chastitsy v otvetakh na vopros], Logical analysis of language. Pragmatics and issues of intensionality [Logicheskii analiz yazyka. Pragmatika i problemy intensional'nosti], Moscow.
2. *Gasparov B. M.* (1978), Oral speech as an object of semiotics [Ustnaya rech' kak semioticheskii ob'ekt], Semantics of nomination and semiotics of oral speech [Semantika nominatsii i semiotica ustnoy rechi], Tartu.
3. *Krysin L. P.* (2016), Lexicographic representation of colloquial language in a monolingual dictionary [Leksikograficheskoe predstavlenie razgovornoj rechi v tolkovom slovare], The Russian language abroad [Russkii yazyk za rubezhom] 4 (257), pp 12–19.

4. *Laird S.* (1988), Foreword, Sorokin V. *The Queue* (novel), trans. Sally Laird. Review Books, New York, pp. i-x.
5. *Levontina I. B.* (1991), Particle *-ka*: a dictionary entry [Slovarnaya stat'ya chastitsy *-ka*], *Semiotics and informatics* [Semiotika i informatika], 32, Moscow, pp. 140–145.
6. *Levontina I. B.* (1999), Strategies of coaxing: particles in repeated requests [Strategii ugovarivaniya: chastitsy v povtornykh pros'bakh], *Language. Culture. Humanities. Scientific heritage of G. O. Vinokur today* [Yazyk. Kul'tura. Gumanitarnoe znanie. Nauchnoe nasledie G. O. Vinokura i sovremennost'], Moscow, pp. 188–201.
7. *Levontina I. B.* (2016), Once I went... On discursive use of deictic words [Idu éto ya... O diskursivnykh upotrebleniyakh deyktichestikh slov], *Proceedings of the Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences* [Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova], 11, Moscow, pp. 160–172.
8. *Morkovkin V. V. et al.* (1997), Dictionary of auxiliary words in Russian [Slovar' strukturnykh slov russkogo yazyka], ed. by V. V. Morkovkin, Moscow.
9. *NBNS* (2010) — The new German-Russian comprehensive dictionary. In 3 volumes [Novyy bol'shoy nemecko-russkiy slovar'. V 3 t.], ed. by D. O. Dobvol'skij. Vol. II: G—Q, Moscow.
10. *RRR* (1978) — Russian spoken language. Texts [Russkaya razgovornaya rech'. Teksty], ed. by E. L. Zemskaya and L. A. Kapapadze, Moscow.
11. *Shimchuk È., Shchur M.* (1999), Dictionary of Russian particles [Slovar' russkikh chastits], Berlin.
12. *Vasmer M.* (1986–1987), Russian etymological dictionary. In 4 volumes [Ètymologicheskij slovar' russkogo yazyka. V 4 t.], 2nd edition, Moscow.
13. *Yakubinskiy L. P.* (1923), On dialogic speech [O dialogicheskoy rechi], *The Russian language* [Russkaya rech'], ed. by L. V. Shcherba, Petrograd, pp. 96–194.